РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ ПАРИЖ» НАЧАЛАСЬ ПОСЛЕ БЕСПОРЯДКОВ 2005 ГОДА

DEPOSITPHOTOS

целых территорий. Географ Татьяна Нефедова доказывает, что при падении плотности меньше пяти человек на километр и потере более половины численности населения за несколько десятилетий происходит качественное изменение сообщества. «То есть вроде люди есть… но в массе своей они теряют мотивацию деятельности. По этому поводу есть очень много исследований, пытались что-то делать в таких районах. Вы можете зарплату им дать, вы можете инвестиции туда включить — это не сработает: у людей уже нет активной мотивации»,— объясняет она. В результате на этих территориях, перешедших пороговое значение, невозможно никакое производство, даже сельское хозяйство. Статистика подтверждает: урожаи и надои в пригородной зоне систематически выше, чем в глубинке. Никакие инновации и господдержка бизнеса не способны оживить деградирующие территории. Например, известно множество случаев, когда, открывая агрокомплексы и турбазы, предприниматели вынуждены были завозить из города и рабочую силу даже при наличии относительно свободных людей на местности. То же самое происходит и с фермерскими хозяйствами: наиболее успешные фермеры в таких местах — приезжие, часто бывшие городские жители.

Развитие новых агломераций позволит превратить миграционный поток из центростремительного в полицентрический. С другой стороны, рост за счет миграции крупных региональных центров сегодня тоже сопровождается проблемами: где-то не хватает детсадов, где-то — дорог, где-то — энергомощностей для строительства нового жилья. При этом часто камнем преткновения становятся административные границы, ведь миграционные потоки подчиняются законам экономики, а не начальственным указаниям. Именно поэтому концепции развития регионов и генпланов муниципальных образований должны быть не просто созданы и утверждены, но и согласованы с соседями. Ведь именно координация действий при сохранении существующего административного деления составляет смысл развития агломераций.

Законодательное решение вопроса об агломерациях упирается в проблему распределения налогов, прибыли, бюджетов. Вот здесь и возникает самый тяжелый вопрос о форме взаимодействия трех основных игроков: власти, бизнеса и населения. В этом вопросе особый интерес представляет зарубежный опыт. Например, договорная модель агломерации Нью-Йорка, где между собой договаривается более 2 тыс. муниципальных образований (каждое из которых на своей территории сохраняет широкий набор независимых функций), в совокупности составляющих территорию агломерации. Или французский закон о развитии 16 агломераций, которые управляют своей территорией независимо друг от друга, однако обязаны создать еще один — надмуниципальный — уровень управления и передать туда общие полномочия по развитию этих территорий. Закон о государственно-муниципальном управлении «Большого Парижа», в котором на одной территории делятся функции между органами муниципального управления и органами государственного управления. Канадская договорная система агломерации, в которую входят все муниципалитеты на прозрачных и конкретных контрактах: фиксируется, кто что вносит и кто что получает от сотрудничества. Такая система возникла после того, как разоренный муниципалитетами Торонто 20 лет назад стремительно опустился с 1-го на 17-е место среди городов Канады по качеству жизни.

ВНУТРЕННЯЯ ГЕОПОЛИТИКА Одно из важнейших для России последствий развития агломераций состоит в том, что снимается проблема вымирания сел и малых городов. А значит, вместо закачки ресурсов в безнадежную затею по приостановке естественных миграционных процессов государство может заняться гораздо более перспективным их управлением. «Если мы хотим развиваться, нужно стимулировать территории с конкурентными преимуществами. Именно они, развиваясь, могут транслировать инновации на периферию: сначала ближайшую, потом дальше. Второй приоритет — это политика смягчения социального, а не экономического неравенства. В отстающих регионах нужно воспроизводить человеческий капитал, инвестируя в образование, здравоохранение, делать население более мобильным»,— убеждена ведущий российский географ Наталья Зубаревич.

Исследования экспертной группы под руководством профессора Вячеслава Глазычева показало, что в ближайшем будущем наиболее перспективными, а стало быть, растущими будут шесть агломераций: Московская, Петербургская, Новосибирская, Нижегородская, Екатеринбургская и Самара—Тольятти. По прогнозам экспертов, при нынешнем подходе к урбанистике к 2025 году на крупнейшие агломерации в России будет приходиться 70–80 млн человек. То есть чуть больше половины всего населения. Проблема в том, что из 52 агломераций 43 будут по-прежнему находиться в европейской части России. Следовательно, необходимо определиться, нужно ли стимулировать переселение в Сибирь либо пойти по опыту Канады, в которой, напротив, население вывозилось с территорий, где климатические условия наиболее суровы, а развивались находящиеся в умеренном климатическом поясе. Во втором случае есть смысл направить миграционные потоки в русло более равномерного расселения в рамках треугольника естественной концентрации населения: европейская часть, а также узкая полоса юга Сибири и Дальнего Востока. Ученые полагают, что в течение ближайших 20 лет из малых городов России может высвободиться порядка 15–20 млн человек. Соответственно, на новом месте они могут стать либо двигателем экономического роста, либо обузой. Вопрос готовности крупных городов к принятию, ассимиляции и качественному использованию этого ресурса становится вопросом перспектив их развития в будущем. ■

THE ART ARCHIVE / AFP

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ СОСТОИТ ИЗ БОЛЕЕ ЧЕМ ДВУХ ТЫСЯЧ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ